

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИР В БАГРОВЫХ ТОНАХ

1

С утра зарядил дождь, хлесткий, звонкий, обильный. Дорога почернела, сделалась скользкой. Езда по ней сопровождалась громким шипением скатов по мокрому асфальту.

— Льет и льет, — сказал Розанов. — Не люблю такую погоду.

— А она тебя, Вася? — поддел напарника Неделин.

— Меня все любят, — не стусевался тот.

В кабине было сумрачно, по радио крутили какую-то приклатненную муть, молча крутить баранку было скучно.

— И Бог? — поинтересовался Неделин.

Имя его было Антон. Он был высоким, красивым, сильным, с гордо посаженной головой и широкими плечами. Ямка на подбородке Неделина была столь глубокой и вытянутой, что походила на разрез. Его серые глаза были обрамлены густыми, как у девушки, ресницами.

— Не обижает, — уклончиво ответил Розанов.

— То есть тоже любит, — уточнил Антон.

— А почему бы и нет?

Розанов, отдыхавший после смены, принялся давить на кнопку настройки радиочастот. Он относился к тому типу мужчин, которые привлекательны лишь в юности, а после тридцати как-то стремительно блекнут, плешивеют и перестают выделяться в толпе себе подобных. Якобы турецкие джинсы, рубашка в неизменную клетку почти неизменной расцветки, очень короткая стрижка, призванная замаскировать

раннюю лысину — вот и весь Василий Розанов. От такого было смешно слышать, что все его любят.

Антон медленно повернул голову, чтобы посмотреть на напарника. Тот почувствовал взгляд и нахмурился. Радиоволны стали сменяться чаще, наполняя кабину раздражающей какофонией. То гитара квакнет, то певица вскрикнет, то ведущий хохотнет.

— Кончай это, — попросил Антон. — Или включи что-нибудь, или выключи совсем.

— Я ищу, — буркнул Розанов, не прекращая своего занятия.

— Это не просьба, Вася.

— А что тогда? Приказ, может быть?

Розанов скосил глаза на напарника, отчего его лицо сделалось злобным и хитрым, как у большой гориллы. Антон широко улыбнулся.

— Не просто просьба, а настоятельная просьба, — уточнил он. — Ну чего ты к радио привязался, как в том анекдоте?

Напряжение сошло с физиономии Розанова.

— В каком анекдоте? — поинтересовался он.

— Про пьяного, — неохотно ответил Антон, не любивший анекдотов. — Сидел возле радио и требовал: спой да спой.

— У меня тоже как в анекдоте, — сказал Розанов, остановив выбор на ретростанции. — Про мужа в командировке.

Столь неожиданное признание застало Антона врасплох. Он зачем-то кашлянул в кулак и пару раз переключил скорость, хотя в этом не было никакой нужды. Дорога стелилась ровно и плавно, словно ткань под уют. Дождь почти закончился, на севере проглянуло солнце, на противоположной стороне небосклона, все еще темного и угрюмого, проступила призрачная радуга. Намокшие поля медленно и безостановочно крутились вокруг легкого грузовика, резво катящего по черному шоссе.

— Бывает, — осторожно произнес Антон и стал мучительно придумывать другой предмет разговора.

Не успел. Опередел его Розанов. Сказал, уставившись в окно перед собой:

— Изменяет мне Любка. Сука такая... Убил бы!

— Посадят.

— Я не потому не убил до сих пор, что срока боюсь. Люблю ее, гадину.

— А-а... — сказал Антон, чтобы что-то сказать. И тупо повторил: — Бывает.

Розанов поморщился:

— Ну что ты заладил как попугай: бывает да бывает. Не у всех бывает. У нас с ней по-особому. Любовь такая. Не зря ее так называли, а?

— Наверное, — согласился Антон. — Слушай, может, остановимся где-нибудь, перекусим? Что-то я проголодался.

Он посмотрел в зеркало. Машина сопровождения шла за грузовиком как привязанная. Это была неприметная «тойота» черного цвета. В ней сидели два охранника, являвшихся, по сути, громилками. В девяностые годы таковые числились бойцами преступных группировок. Теперь они звались всякими там секьюрити и бодигардами, хотя их бандитская сущность от этого нисколько не изменилась.

— Рано обедать, — сказал Розанов. — Пацаны не позволяют.

— Они нам не командиры, — строптиво возразил Антон.

— И что ты, против них попрешь? В почки зарядят, будешь потом кровью мочиться. Димона помнишь? До сих пор с зубами мучается. А ведь тоже просто проголодался.

— Он в кафе сунулся, а у нас тормозки.

— Ну давай на ходу подкрепимся, если ты такой уж голодный, — предложил Розанов.

— Не, на ходу не хочу, — качнул головой Антон. — Не то настроение. Серилал про брошенный в Сирии батальон смотришь?

Попытка еще дальше увести разговор от измен Любы Розановой не удалась.

— Смотрел, — проворчал напарник. — До вчерашнего дня. Приперлась с работы выпивши, а на груди засос. Здесь. — Розанов показал, хотя его грудь коренным образом отличалась от Любиной.

Антон был с ней знаком. И с Любой, и с ее грудью. Пару раз переспал всего. Даже не переспал, а так, пообщался на скорую руку. Очень близко, очень. Ближе некуда. Один раз во время новогодней пьянки, уединившись в пустой бухгалтерии. Второй раз дома, пока собственная жена находилась в роддоме. Обычная история, в общем-то. Антон про свои шалости с Любой и забыл давно, а вот напарник взял и напомнил. Это вызвало чувство вины, перерастающее в глухое раздражение.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил Антон, избегая смотреть вправо, чтобы не встречаться взглядом с Розановым. — Такие вещи нужно в тайне хранить, Вася. Это ваша личная проблема. Не выноси сор из избы, понял?

— Надо же с кем-то поделиться, — сказал Розанов. — Устал в себе носить, Антон! — Он ударил кулаком в ту часть груди, куда недавно указывал пальцем. — Мучаюсь, мучаюсь... Я же люблю ее, подлую. Ни бросить не могу, ни проучить как следует. Засада, брат. Приходится прощать Любу, а она от этого только наглеет. На голову садится.

— Разведись, — посоветовал Антон, представив себя на месте напарника.

— Говорю же, не получается! — зло произнес Розанов. — Я ее после этого еще сильнее хочу. Прямо трясусь весь.

— Ну и трясись. Только молча. Будь мужчиной. Сопли не распускай.

— Сопли?

Антон пожал плечами:

— Ну, пусть будут слезы, если тебе от этого легче.

— Не легче, — отрезал Розанов. — Ему душу открываешь, а он...

Фраза оборвалась на середине. В кабине повисло тяжелое молчание. Было слышно только, как ровно гудит мотор, фыр-

кают встречные машины и шуршит резина по шершавому гудрону.

Антон Неделин и Василий Розанов никогда не были друзьями. Они бы и просто приятелями в какой-нибудь другой жизни не стали. Но жизнь у них была эта — не поменяешь, не сотрешь. И в фургоне их грузовичка находился не только яичный порошок Октябрьской птицефабрики, как значилось в накладных. Веселые цыплята на бортах были маскировкой — такой же, как документы водителей и ящики с настоящим порошком, установленные поверх других ящиков, наполненных порошком совсем другого свойства. Хочешь — нюхай, хочешь — разводи и колись, хочешь — вообще на хлеб мажь или салаты посыпай. Кайф гарантирован, здоровье — нет. А уж кто что выберет...

2

Антон свой выбор сделал давно. Настал момент сказать «да», и он сказал.

Ему не сразу предложили гонять грузовик с наркотической начинкой. Проверяли на вшивость, забрасывали удочки, пробовали разные подходцы. А потом пригласили на рыбалку и там, во время посиделок возле костра, спросили напрямик: «Хочешь денег, Антон, денег больших и легких? Тех, что честным трудом не заработаешь, хоть до кровавых мозолей баранку крути...»

Он хотел. С детства. Сколько себя помнил, столько о заветном чемоданчике мечтал. Вот идет себе Антон по дороге, а тут разборка бандитская: трах-бах, все ранены или убиты. А в машине, пулями пробитой, труп сидит с «дипломатом» на коленях. Он баксы куда-то вез, да не довез. Они теперь Антону принадлежат. Главное, быстро и незаметно их из опасного места вынести и дома спрятать.

О, сколько планов строил он, уставившись в темный ночной потолок немигающим взглядом! Как сует чемоданчик в пакет, найденный на обочине. Как, путая следы, не напрямиком